

ЭСТЕТИКА / AESTHETICS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.138.60>

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ЭСТЕТИКИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ИЛИ ЗАБВЕНИЕ

Научная статья

Нагой Ф.Н.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-2286-6820;

¹Волгоградский институт управления, Волгоград, Российская Федерация

* Копирующий автор (fatima_nm[at]mail.ru)

Аннотация

В статье обосновывается необходимость возрождения и продвижения эстетического подхода к решению задачи бережного отношения к культуре и культурному наследию в современных условиях. Автор исследует исторические этапы развития философских концепций, в рамках которых осмысливалось взаимоотношение искусства и действительности. Особое внимание в статье уделяется соотношению образа человека и образа мира, охарактеризованы подходы и соответствующие им методы исследования эстетического с целью выделения функций искусства для познания окружающей действительности. В заключении автор делает вывод о востребованности эстетики не только в узкой среде специалистов, но и в общей сфере гуманитарного образования и воспитания.

Ключевые слова: эстетика, искусство, психоанализ, структурализм, герменевтика.

THE PAST AND FUTURE OF AESTHETICS: REVITALIZING INTEGRITY OR OBLIVION

Research article

Nagai F.N.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-2286-6820;

¹Volgograd Institute of Management, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (fatima_nm[at]mail.ru)

Abstract

The article substantiates the necessity of revival and advancement of the aesthetic approach to the solution of the problem of careful attitude to culture and cultural heritage in modern conditions. The author studies the historical stages of development of philosophical concepts, within the framework of which the relationship between art and reality was comprehended. Special attention in the article is paid to the correlation between the image of man and the image of the world, approaches and corresponding methods of research of the aesthetic are characterized in order to highlight the functions of art for cognition of the surrounding reality. In conclusion, the author draws a conclusion about the demand for aesthetics not only in the narrow environment of specialists, but also in the general sphere of humanitarian education and upbringing.

Keywords: aesthetics, art, psychoanalysis, structuralism, hermeneutics.

Введение

В современной культурной ситуации научный дискурс в отношении эстетики претерпел существенные изменения. Вместо традиционного рассмотрение категории «прекрасное» как одной из философских категорий, отражающей различные аспекты онтологии и гносеологии, исследователи сосредоточили свое внимание преимущественно на утилитарных вопросах социология искусства. Неслучайно в блок социальных и гуманитарных дисциплин, преподаваемых в ВУЗах, курс «Эстетика» уже не включен, что отражает общую тенденцию снижения интереса к эстетическому образованию. Однако, наряду с аксиологией, именно эстетический взгляд достраивает представление о мире и положении в нем человека до целостности. Представляется важным вернуться к тем возможностям, которые открывает эстетический подход к решению этически значимой задачи бережного отношения к культуре и культурному наследию как основы гуманистического мировоззрения.

Основные результаты

Долгое время область эстетики и художественной практики в философии не совпадали – искусство понималось как преимущественно подражательное и второстепенное по отношению к философии. Так, Платон, разделивший мир идей и мир вещей, считал искусство подражанием действительности, «тенью теней», предназначенным для приобщения граждан к общности государства, воспитания в них желания добровольного служения общему делу [1]. Аристотель в своем труде об искусстве «Поэтика» относит мимезис в искусстве к простому копированию творческого процесса с прибавлением авторского видения жизни. Благодаря этому, искусство способно превзойти историю, а дополнением для воспринимающего становится удовольствие от сходства изображения и изображаемого. Отсюда и Аристотелевская формулировка принципов классификации искусств по способу подражания и позиции автора, а также деление видов искусства на конструктивные и экспрессивные, пространственные и временные [2, С.1064-1112].

В свою очередь, средневековые авторы сосредоточены на развитии такого подхода к искусству, в рамках оно направляет и как бы являет божественное начало. Среди литературных форм развивается жанр символично-аллегорической притчи, а в целом религиозное искусство направлено на активацию чувства возвышенного в человеке.

Антропоцентричный подход Возрождения акцентировал творческую волю художника, благодаря которой он способен выступить сотворцом Бога, а участвуя в создании «образа мира» приближается к человеческому богу

человеческого мира. В результате формируется основа эстетики: поиск совершенных форм во всех сферах человеческой деятельности и представление об органическом типе человека.

Позже, в трактате Н. Буало «Поэтическое искусство», эстетика уже определяется господством разума в русле метафизики. Принцип правдоподобия трактуется как подражание лучшему, прекрасно воспитывающему и образцовому. Постепенно в искусстве создается иерархия стилей и жанров – от низших к высоким, формируется, уже получившая собственное основание, нормативная эстетика, отождествляющая прекрасное и благое [3]. Иными словами, искусство вслед за философией приобретает черты, характерные для сферы долженствования, становится составляющей рационального плана бытия. Концепция прекрасного по-прежнему не обладает историчностью, большинство эстетических проблем формулируется на уровне отдельных видов искусств.

В XVIII в. творческая и социальная инициатива от изобразительного искусства переходит к искусству выразительному – литературе. В работе Г. Лессинга «Лаокоон или о границах живописи и поэзии» звучит новая мысль о необязательности для поэта запечатлеть исключительно прекрасное в отличие от скульптора [4]. Речь шла о том, что многогранное изображение должно быть правдивым, а не прекрасным. А исторический взгляд на искусство оформляется И. Гердером в работе «Идеи о философии истории человечества»: он погружает искусство в национальную историю страны вопреки классическому следованию образцам античности. Гердер настаивает на связи искусства со спецификой конкретной культуры и на ведущей роли гносеологической функции искусства [5].

Литературоцентристский взгляд на искусство на основе реалистического подхода к эстетике характерен и для XIX в. Гегель считал, что, отражая реальность, искусство акцентирует духовное содержание жизни, воплощает общие идеи в чувственных образах. На первый план выдвигается понятие темы, познаваемой в произведении. Само понятие «пафос», включая его виды – романтизм, драматизм, героика и другие, указывает на эмоциональную составляющую, как оценки, так и идеи художественного произведения. Гегеля интересует направленность проявления диалектических закономерностей в области искусства, развитие противоположностей до стадии конфликта, требующего разрешения, в литературном произведении. Типизация как метод создает жизнеподобные формы, благодаря которым возникает иллюзия тождественности жизни и искусства. С понятием «тип» оказывается связанным понятие «характер», их соотношение выражает объединение нравственно-эстетической концепции автора и свойственного историческому этапу типа поведения [6].

В движении научного эстетического знания с конца XIX в. и всего XX в. большую роль сыграла позитивистская философия, способствовавшая перенесению методов естественных наук на гуманитарные и общественные области знания. Так, И. Тэн, сохраняя позитивистское отношение к фактической достоверности и причинным связям, рассматривал литературу как источник свидетельств развития истории и культуры. Психологию художника при этом следует рассматривать как проявление общественной психологии, учитывающей факторы расы, среды и момента. Если произведение отразило момент, оно – недолговечно, если среду – будет существовать дольше, подлинно ценно изображение характера расы или национальных особенностей [7].

Интересна позиция «немецких романтиков», которые обосновывают идею о том, что источником искусства является фольклор и мифология. Исследование фольклора дешифрует мифологические первоосновы и способствует прорыву от более поздних к самым древним мифам, обращению к подлинным истокам. Позже, Дж. Фрезер обосновывает сходство мифологий общими стадиями становления в историческом развитии народов, одним из доказательств этого выступает значимость для культур ритуала при создании мифа. Мифологическая традиция вводит понятие «мифологема», которое означает заимствованный у мифа мотив. Как следствие, получают объединение миф, ритуал и архетип, что формирует такую структуру произведений, где центром является человеческая жизнь [8].

Компаративистской школе начала XX в. также свойственен позитивистский подход, стимулирующий изучение национального фольклора и межлитературных связей. Отечественный литературовед А. Веселовский, характеризуя приверженцев сравнительного метода, считает, что любое заимствование связано с изменением образа и сюжета в соответствии с историческими условиями и литературной традицией «воспринимающей» литературы, а также с личностью писателя [9].

Развитие эстетики в рамках психологической школы основано на представлении, что единственный объект наблюдения, который доступен автору полностью – это он сам, поэтому каждое произведение в широком смысле автобиографично, чем больше в нем личных наблюдений автора, тем оно ценнее. Поэтому применение психоаналитического метода в исследованиях было направлено не столько на само произведение, сколько на личность автора, просматривающуюся через произведение. Одновременно возникает «рецептивная эстетика», предметом которой становится не только читательское восприятие, но и ориентированность автора на тот или иной тип читателя, своеобразный «образ читателя», возникающий в произведении.

В XX в. основной акцент исследований в области эстетики перемещается с содержания на форму художественного произведения. Большой вклад в становление такого подхода был внесен русской формальной школой, представленной Б. Томашевским и П. Медведевым, которые ориентировались на ряд кантовских идей и новаторские подходы в области изучения искусства и языка. Методы формализма становятся продуктивными, стали существенной предпосылкой структурализма.

Развитие структурализма в эстетике второй половины XX в. связано с научным изучением мифологии и фольклора, у его истоков стоят Ф. де Соссюр и К. Леви-Стросс. Первый обращает внимание на бинарные оппозиции в мифе и способы их преодоления, например, «жизнь-смерть», «сон-бодрствование», «свой-чужой» и другие [10]. Ф. де Соссюр подчеркивает разделение синхронизирующего и диахронического подходов к изучению произведения. Соединение данных подходов укрепляет идею значимости языка при создании произведения. Человек как бы находится в плену у языка, подчиняется его «диктатуре» [11]. Культура в этой концепции становится семиотическим феноменом: за словом обнаруживается знак, за знаком – символом и далее через символ – смысл. Соответственно, изучение смыслов акцентирует проблему их возникновения, передачи и трансляции.

Постструктурализм в культуре в лице Ж. Дерриды и М. Фуко акцентирует внимание на том, что структура должна иметь определенный центр – сакральное или ценностное ядро. С точки зрения Ж. Дерриды, общество или человек (центр) представляют собой привнесенную самим толкователем «фикцию» [12]. М. Фуко считает, что и автора не следует мыслить как центр произведения, потому что многое фиксируется им в произведении бессознательно и ряд смыслов от него ускользает, а «наивный читатель» не замечает, как сам налагает на произведение схему «смысла» [13].

С середины XX в. нарастает актуальность изучения коммуникативной функции искусства с точки зрения воздействия литературы и искусства на людей и обратное влияние. Теоретическое обоснование коммуникативного изучения литературы дал М. Бахтин в своей «теории диалога», подчеркивающей активный характер произведения, способность произведения вступить в диалог, понимание культурного процесса как взаимоотношения произведения и его читателя [14]. Предвзятость или усмотрение исследователя будет предопределяться его связью с традицией и историей, непредвзятая позиция становится возможной, когда изучаются произведения глубокого прошлого. Постижение текста трактуется как уяснение системы ценностей конкретной эпохи и самопонимание читателя, представляющего свою эпоху.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ этапов становления эстетики как полноправной и неотъемлемой части философии убедительно показывает значимость и актуальность проблематики взаимоотношения искусства и действительности. Рассмотренная выше множественность концепций и трактовок эстетического знания свидетельствует о необходимости продолжения его проблемного поля, учитывая тектонические изменения современности. И это требует выработки новых подходов и соответствующих им методов исследования функций искусства в современном общественном развитии.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Платон. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 626 с.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Минск: Литература, 1998. — 1391 с.
3. Буало Н. Поэтическое искусство / Н. Буало. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. — 170 с.
4. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / Г.Э. Лессинг. — М.: Азбука, 2021 г. — 320 с.
5. Гердер И.Г. Идеи о философии истории человечества / И.Г. Гердер. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 760 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. В 2-х томах. Том 2 / Г.В.Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 2007. — 604 с.
7. Тэн И.А. Философия искусства / И.А. Тэн. — М.: Искусство, 1996. — 350 с.
8. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрезер. — М.: Эксмо, 2006. — 453 с.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. — СПб: Университетская книга, ЦГИ, 2011. — 687 с.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. — М.: АСТ, Астрель, 2011. — 541 с.
11. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Ф. де Соссюр. — М.: Прогресс, 1990. — 274 с.
12. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. — М.: Акад. проект, 2007. — 494 с.
13. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. — 543 с.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Plato. Gosudarstvo. Sochineniya v chetyrekh tomah [State. Essays in Four Volumes. Vol. 1] / Plato. — St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University: "Publishing house of Oleg Abyshko", 2007. — 626 p. [in Russian]
2. Aristotle. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories] / Aristotle. — Minsk: Literature, 1998. — 1391 p. [in Russian]
3. Boileau N. Poeticheskoe iskusstvo [Poetic Art]. / N. Boileau. — St. Petersburg: ABC Classics, 2010. — 170 p. [in Russian]
4. Lessing G.E. Laokoon, ili O granicach zhivopisi i poezii [Laocoon, or On the Boundaries of Painting and Poetry] / G.E. Lessing. — M.: ABC, 2021 — 320 p. [in Russian]
5. Herder I.G. Idei o filosofii istorii chelovechestva [Ideas about the Philosophy of the History of Mankind] / I.G. Herder. — Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. — 760 p. [in Russian]
6. Hegel G.V.F. Lekcii po estetike [Lectures on Aesthetics. In 2 volumes]. Volume 2. — St. Petersburg: Nauka, 2007. — 604 p. [in Russian]

7. Teng I.A. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art] / I.A. Teng. — Moscow: Iskusstvo, 1996. — 350 p. [in Russian]
8. Fraser J. *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough. The Study of Magic and Religion] / J. Frase. — Moscow: Eksmo, 2006. — 453 p. [in Russian]
9. Veselovsky A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics] / A.N. Veselovsky. — St. Petersburg: University Book, CGI, 2011. — 687 p. [in Russian]
10. Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology] / K. Levi-Strauss. — M.: ACT, Astrel, 2011. — 541 p. [in Russian]
11. Saussure F. de. *Zametki po obshchej lingvistike* [Notes on General Linguistics]. / F. de Sasseur. — M.: Progress, 1990. — 274 p. [in Russian]
12. Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Letter and Distinction] / J. Derrida. — M.: Akad. project, 2007. — 494 p. [in Russian]
13. Foucault M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge] / M. Foucault. — St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University book, 2004. — 543 p. [in Russian]
14. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity] / M.M. Bakhtin. — Moscow: Iskusstvo, 1986. — 444 p. [in Russian]